

ПОТЕРИ НАУКИ

К ИСТОРИИ ГЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ СЕВЕРО-ВОСТОКА РОССИИ

Памяти Михаила Львовича Гельмана (28.10.1930–26.04.2017)

История геологического изучения и параллельно происходившего бурного хозяйственного освоения самой далекой окраины России (памятной одним под названием «Северо-Восток СССР», другим – как «Колыма» в ее нарицательном значении) еще долго будет служить не только темой специальных исследований для профессионалов, но и предметом размышлений многих неравнодушных граждан страны. Настолько она специфична: с одной стороны, романтична, с другой – предельно трагична. И удастся ли когда-нибудь уравновесить эту чашу весов, сказать трудно.

Михаил Львович Гельман, которого сотрудники СВКНИИ ДВО РАН 3 мая с. г. проводили в последний путь из Магадана на «малую родину» в Москву, где и упокоился навечно его прах, – своего рода рекордсмен среди геологов Северо-Востока Сибири (именно так с

Выступление на Ученом совете СВКНИИ. Последнее прижизненное фото. 23 марта 2017г.

определенного момента он предпочитал называть наш регион). Ни один из молодых специалистов, приехавших сюда по окончании вуза, не проработал в этом суровом краю так долго – без малого 64 года! И ничье имя не приобрело такой широкой известности за пределами Магадана. Ведь в историю геологического изучения Северо-Востока – территории по многим параметрам уникальной – М.Л. Гельман вписал не просто свою отдельную страницу, но весьма солидную по объему и содержанию главу.

В соболезнованиях, прилетевших в СВКНИИ в связи с кончиной Михаила Львовича буквально со всего света, от Камчатки до Канады, рефреном звучат слова о его высочайшем профессионализме, бескорыстной готовности делиться своими обширными знаниями и о всем остальном, что традиционно определяется на Руси понятием интеллигентности – широте интересов, культуре общения, неизменно доброжелательном отношении к людям. Наверное, многие из нас хотели бы, но думается, мало кто может рассчитывать в будущем на подобную единодушную характеристику.

М.Л. Гельман – личность «штучная», вместе с тем до конца оставался человеком своего времени. Оно было очень серьезным и очень трудным. Однако по универсальному закону природы (можно сказать, по третьему закону Ньютона – о действии, вызывающем противодействие) трудности способствовали пробуждению в людях нравственных резервов. Родившийся в 1930 г. в семье инженера-химика и студентки консерватории Михаил Львович рано осиротел (отец в 1938 г. был арестован в г. Симферополе, где находился в длительной командировке вместе с семьей, в 1940 – умер в застенках НКВД, мама скончалась в 1945 г. в эвакуации в г. Кемерово; по возвращении в Москву подросток нашел помощь и поддержку в доме дяди). Размышляя на склоне лет о своем пути в геологию, он вспоминал не только внешние обстоятельства, не позволившие в 1948 г. золотому медалисту, выпускнику одной из лучших московских школ, поступить на мехмат МГУ, чтобы заниматься любимой математикой, но и ... детство. О том, как в Симферополе его, еще дошкольника, буквально заморозили узорчатые камни, из которых был построен дом, в котором они поселились (студенту-геологу на практике в Крыму стало понятно: то были третичные известняки с многочисленными отпечатками нуммулитов). В Кемерово, раскалывая для печи глыбу каменного угля и увидев открывшиеся на сколе прекрасные отпечатки растений, он испытал надолго запомнившееся радостное чувство от лично добытого подтверждения прочитанному в книжках. Позже он сравнил его с радостью геолога, который в маршруте неожиданно находит фауну. Другими словами, хотя в Московский геологоразведочный институт (МГРИ) юноша Гельман в 1948 г. поступил вынужденно, осмысливая этот неожиданный поворот судьбы, он отыскал в себе

корни того интереса к миру окружающей природы, который геология – как наука и как профессия – в итоге сполна удовлетворила.

Характерно, что с Крайним Севером, притом самым настоящим – арктическим, Михаилу Львовичу довелось познакомиться раньше, чем с Магаданом. В жесткое позднесталинское время (в одной из своих публикаций он назвал его «свирепым») только на краю земли и находилась работа для тех, кто был у государства на подозрении и не получал официального допуска к секретным материалам. По этой причине и студента-дипломника М.Л. Гельмана, чей отец был репрессирован, деканат геологического факультета МГРИ никак не мог летом 1952 г. устроить на практику. Спасла положение просьба директора треста «Арктикразведка» срочно найти студента, способного выполнить 100-километровый геологический маршрут по белому пятну (на который не было даже топографической карты, только аэрофотоснимки) на побережье п-ова Таймыр. Проблему допуска директор взял на себя, подарив тем самым своему временному сотруднику (а отчасти и нам – его младшим коллегам) незабываемые впечатления на всю оставшуюся жизнь. В том сезоне оказалось через край романтики – если понимать под ней риск для жизни двух совершенно неопытных и плохо ориентировавшихся в полярном быту молодых людей (вторым был рабочий – московский паренек, впервые устроившийся в полевую партию). Но была и на редкость интересная геология (метаморфический комплекс неизвестного возраста), и удивительные встречи с послевоенными насельниками советской Арктики, попавшими туда не по своей воле. Разве забудешь, например, рассказ Михаила Львовича о том, как на Енисее – на острове, где находился тогда аэропорт Игарка, он увидел поселочек за колючей проволокой под названием «Колхоз Новая жизнь», где жили ... крымские татары! В общем, таймырский опыт психологически подготовил начинающего геолога к знакомству с Колымой.

В Магадан молодые специалисты М.Л. Гельман и его друг-однокурсник Ю.М. Бычков (ставший со временем лучшим знатоком стратиграфии и палеонтологии северо-восточного триаса) прибыли осенью 1953 г. Это было переломное время. Сталин умер, Берия арестован, но «государство в государстве» – печально знаменитый трест Дальстрой – еще продолжал существовать, хотя и был уже передан из МВД СССР в Министерство металлургической промышленности (а его лагерные подразделения – в ГУЛАГ Министерства юстиции СССР). Выпускники МГРИ стали сотрудниками ГРУ ДС – Геолого-разведочного управления Дальстроя – и сохраняли этот статус до 1957 г., когда Дальстрой был упразднен, а ГРУ ДС преобразовано в Северо-Восточное геологическое управление (СВГУ) Министерства геологии и охраны недр СССР.

И тут любопытно отметить нечто, на первый взгляд, неожиданное. Судя по некоторым высказываниям (правда, редким и сдержанным), постановку дела в ГРУ ДС Михаил Львович оценивал очень высоко, порой явно выше, чем в СВГУ. Однако грешно было бы усмотреть в этом даже намек на все еще подспудно тлеющую в нашем обществе и периодически вспыхивающую острыми дискуссиями ностальгию о «порядке», якобы существовавшем при Сталине. Причины неизменно высокой оценки Михаилом Львовичем деятельности ГРУ ДС надо, бесспорно, искать в другом. Главными видятся две: во-первых, уникальность коллектива, в котором проходило его профессиональное становление, во-вторых – исключительность сопутствовавших тому исторических обстоятельств.

В соответствии с институтской специализацией, М.Л. Гельман по приезду в Магадан был направлен в Петрографическое отделение Научно-методического отдела (НМО) ГРУ ДС. Как и следовало ожидать, в этом отделе трудились лучшие специалисты управления, но отличительная особенность исторического момента заключалась в том, что лучшими из лучших являлись те, кто оказался на Колыме отнюдь не добровольно. Почему так – Михаил Львович сумел убедительно показать, воссоздав, почти через полвека, объемную картину жизни НМО в обширном очерке, вошедшем в двухтомник, посвященный 100-летию крупнейшего, но в должной мере так и не оцененного советского геолога Юрия Михайловича Шейнманна (Москва: ОИФЗ РАН, 2001. Т. 1. С. 105–142). Само за себя говорит название очерка: «Ю.М. Шейнманн в Дальстрое: неволя и новые пути в тектонике и магматической геологии Северо-Востока Азии». Слова «Дальстрой» и «неволя» в сочетании с «новыми путями...» ясно дают понять: автор убежден, что истинный ученый способен творить вопреки жестокой судьбе, более того – только «тайная свобода» творчества и может его спасти. Этот вывод относится не к одному лишь главному герою. Другим, притом по-человечески наиболее дорогим примером стойкости, мудрости и преданности делу, остался на всю жизнь для Михаила Львовича его первый в НМО руководитель Евгений Константинович Устиев – воспитанник петрографической школы академика Ф.Ю. Левинсона-Лессинга, признанный авторитет в области магматизма и метаморфизма Северо-Востока, к 1953 г. уже 10 лет как освобожденный из заключения, но все еще не имевший права выезда с Колымы (где находился с октября 1937 г.). М.Л. Гельман с его тонкой душевной организацией, сам успевший пережить не один удар судьбы, стал достойным продолжателем дела, которому по существу отдали жизни его выдающиеся магаданские наставники.

В 1957 г., при организации СВГУ, на базе НМО была создана Центральная комплексная тематическая экспедиция (ЦКТЭ), где М.Л. Гельман возглавил группу петрографических партий и очень быстро завоевал известность как лучший петрограф управления. К нему за консультациями и советами стали приезжать геологи всех экспедиций, хотя квалифицированных петрографов в каждой из них хватало. Михаила Львовича отличало другое – огромная эрудиция и умение провидеть за частными вопросами широкие региональные, а нередко и большие общенаучные проблемы. Чрезвычайно притягательным к тому же был его неподдельный интерес к собеседнику, готовность вникать в детали, разгадывать петрографические загадки, не жалея собственного времени.

Собственный полевой опыт М.Л. Гельман начал приобретать еще в ГРУ ДС, изучая малые интрузии бассейна верхнего течения Колымы, с которыми, согласно Ю.А. Билибину, связана легендарная золотоносность Охотско-Колымского региона. В деятельности же вновь организованного СВГУ на первый план выдвинулась оценка перспектив золотоносности Чукотки, и с 1958 по 1961 гг. Михаил Львович возглавлял Анюйскую полевую партию ЦКТЭ, после чего вернулся на должность начальника петрографической партии («группы партий» как административные единицы к этому моменту были упразднены).

Чукотка составила особую страницу в биографии М.Л. Гельмана. Доскональное полевое и камеральное исследование широкого круга объектов (триасовые диабазы, позднемезозойские гранитоиды разных фаций глубинности, меловые вулканы, мезозойские метаморфиты и др.) принесло богатейший фактический материал. На его основе было выдвинуто принципиально новое представление о связи гранитоидного магматизма, вулканизма, регионально-метаморфизма и золотой минерализации, обусловленной единым фактором – глубиной эволюцией мезозойских метаморфических куполов. Была опубликована серия первоклассных статей, что принесло автору всесоюзную известность, и в 1966 г. более чем успешно защищена кандидатская диссертация на тему «Мезозойский магматизм и метаморфизм в Анюйской складчатой зоне». Руководителем значился доктор геолого-минералогических наук старший научный сотрудник ИГЕМ АН СССР (г. Москва) Е.К. Устиев. Из сегодняшнего далека этот факт видится в первую очередь как счастливое свидетельство смены эпох в истории СССР.

Причуды взаимозависимости геологии и политики не менее ярко иллюстрирует еще один исторически характерный эпизод. К началу XXI века, уже в новой России – когда граница Чукотки и Аляски стала на некоторое время почти прозрачной – выяснилось, какой большой интерес вызвали у коллег с другой стороны Берингова пролива разработки М.Л. Гельмана 60–70-х годов по молодому (послепротерозойскому) метаморфизму Северо-Востока. Но только летом 1994 г., по инициативе профессора Стэнфордского университета Элизабет Миллер, на Восточной Чукотке, в районе Кооленского гранито-гнейсового купола, состоялись первые российско-американские полевые работы. Михаил Львович принял в них, как и в последующей обработке материалов в Стэнфорде, а также публикации результатов в англоязычных изданиях, деятельное участие. Это сотрудничество молодые коллеги М.Л. Гельмана из СВКНИИ продолжают, в той или иной форме, вплоть до настоящего времени.

Возвращаясь к делам ЦКТЭ, следует отметить объединение в 1976 г. петрографической партии с палеонтологической стратиграфической. Новым подразделением – партией региональной геологии – М.Л. Гельман руководил в течение 10 лет, вплоть до перехода в СВКНИИ. И хотя объединение двух партий было в значительной степени вынужденным (в 1975 г. вышел на пенсию и уехал из Магадана глава стратиграфов ЦКТЭ к.г.-м.н. А.А. Николаев, работавший на Колыме с 1937 г.), Михаил Львович принял новые обязанности, как это было ему свойственно всегда и во всем, без каких бы то ни было скидок на привходящие обстоятельства. Возглавляя разноплановые тематические работы партии региональной геологии, он вникал не только в существо, но и в детали, обеспечивая неизменно высокий профессиональный и общекультурный уровень итоговых геологических отчетов (в частности, строго следил за нормами литературного русского языка). Своеобразной, притом весьма эффективной формой руководства со стороны М.Л. Гельмана было написание совместных с сотрудниками научных статей, которые публиковались как в авторитетном издании управления «Материалы по геологии и полезным ископаемым Северо-Востока СССР» (первый выпуск – 1945, последний – № 27 – 1991 г.), так и в центральных журналах, в том числе академических. Едва ли не первостепенной была заслуга Михаила Львовича и в том, что многие (практически все, кто этого по-настоящему желал) сотрудники партии – как петрографы, так и стратиграфы (А.С. Бяков, А.П. Фадеев, В.М. Шевченко и др.) – защитили кандидатские диссертации. Ведь они создавались вне плана, да и организационная сторона получения ученой степени требовала множества хлопот, так что без благожелательного отношения и конкретной помощи со стороны «начальника» здесь было не обойтись.

Чтобы по достоинству оценить объем и значимость сделанного М.Л. Гельманом в производственной геологии, обязательно следует учесть, что он почти всегда трудился, фигурально выражаясь, на двух иерархических уровнях: помимо прямых обязанностей начальника тематической партии ЦКТЭ руководство управления систематически воз-

лагало на него те или иные задания более широкого масштаба. Так, для СВГУ (с 1980 г. – СВПГО, Северо-Восточное производственное геологическое объединение, позже – ПГО «Севостгеология») в течение четверти века – с конца 50-х по середину 80-х годов – важнейший вид работ составляла геологическая съемка и подготовка к изданию листов Государственных геологических карт СССР масштаба 1 : 1 000 000 и 1 : 200 000. На этом поприще М.Л. Гельман выступил как один из наиболее квалифицированных редакторов. В его активе – несколько десятков листов среднемасштабных карт и единственная на территории Северо-Востока (поставленная в опытно-методическом порядке) Государственная геологическая карта СССР масштаба 1 : 50 000 (3 номенклатурных листа на площади Р-56, Дукатский горнорудный район, ответственный исполнитель А.Э. Ливач, издание 1989 г.). Весьма основателен вклад М.Л. Гельмана в создание (прежде всего в разработку методологической основы и легенд) мелкомасштабных геологических и специализированных карт Северо-Востока в целом или его крупных фрагментов.

Отдельно должно быть отмечено большое, в ряде вопросов – определяющее, участие М.Л. Гельмана в трудоемкой работе над фундаментальным обобщением результатов геологического изучения региона – Томом XXX «Северо-Восток СССР» многотомного министерского издания «Геология СССР». Со многих точек зрения важно, что границы этого региона, общей площадью свыше 3 млн кв. км, «экстерриториальны» и фактически совпадают с территорией деятельности Дальстроя: нынешние Магаданская область, Чукотский АО, Камчатский край, республика Саха (Якутия) к востоку от р. Лены, Охотский район Хабаровского края. Главная часть Тома XXX – «Геологическое описание» (Москва: Недра, 1970. Кн. 1. 548 с.; Кн. 2. 536 с.) – еще долго будет оставаться настольной книгой каждого геолога, так или иначе соприкасающегося с Северо-Востоком (книги, посвященные полезным ископаемым и металлогении, в написании которых М.Л. Гельман также участвовал, менее популярны, поскольку были изданы под ограничительными грифами и многие годы их сохраняли).

Известность М.Л. Гельмана в профессиональном сообществе возросла многократно после того, как он был назначен на пост председателя Северо-Восточного регионального петрографического совета при Межведомственном петрографическом комитете (МПК СССР / РФ, создан в 1962 г.). Михаил Львович занимал этот пост бессменно, одновременно являясь членом МПК. Под его руководством в Магадане состоялись четыре петрографических совещания по Северо-Востоку Азии (1968, 1980, 1988, 2000 гг.), а сам он в обязательном порядке участвовал с докладами в работе Всесоюзных (позже – Всероссийских, но с унаследованной нумерацией) петрографических совещаний, раз в 5 лет организуемых МПК (лишь в 2015 г. здоровье уже не позволило ему поехать на XII совещание, состоявшееся в г. Петрозаводске).

Еще один вид деятельности, где у М.Л. Гельмана не было конкурентов, – научное руководство полевыми геологическими экскурсиями, сопровождавшими крупные форумы. Первая проводилась по программе XIV Тихоокеанского научного конгресса (Хабаровск, август 1979 г.), следующая – в период XXVII сессии Международного геологического конгресса (Москва, 1984 г.). Обе были посвящены магматизму верховьев Колымы и приамагданского отрезка Охотского побережья. В 1979 г. организационная сторона была возложена на А.П. Соболева, в 1984 – на В.М. Мерлякова (оба – опытные геологи-полевики, начинавшие в СВГУ и перешедшие к тому времени на работу в СВКНИИ, кандидаты наук). Михаил Львович составил путеводители, демонстрировал обнажения, читал лекции участникам экскурсии. Потенциально перспективные дальнейшие международные контакты реализовать тогда не удалось.

Сказанное, как представляется, однозначно свидетельствует, что природа создала Михаила Львовича глубоким мыслителем, которому были равно интересны теоретические, практические и методологические аспекты геологии. И нет сомнений, что появление в Магадане в 1960 г. академического института не могло не породить у него мысли о переходе в науку, тем более что приглашение от директора-организатора СВКНИИ, будущего академика Н.А. Шило поступило сразу же. Однако руководство управления категорически возражало, поскольку найти равнозначную замену такому специалисту, как М.Л. Гельман, было практически нереально. Переход состоялся лишь в 1986 г., в каком-то смысле благодаря общественно-историческим сдвигам периода горбачевской перестройки.

Время, как известно, понятие относительное. И сегодня трудно представить себе, что в академической науке Михаил Львович проработал почти столько же, сколько в системе производственной геологии – три десятка лет с лишним, так быстро они промелькнули в вихре российских катаклизмов начала XXI века. Сам же он говорил, что с переходом в институт принципиальных изменений в характере его занятий не произошло (хотя в первый год не переставал радоваться непривычной творческой свободе). Но, действительно, за ним сохранились обязанности председателя Северо-Восточного петрографического совета, и Четвертое (последнее на сегодня) региональное совещание «Магматизм и метаморфизм Северо-Востока Азии» (Магадан, 4–6 апреля 2000 г.) состоялось уже в бытность

М.Л. Гельмана сотрудником СВКНИИ. Больше того, в первой половине 90-х годов, когда геологическая служба страны вошла в состав Министерства природных ресурсов РФ и его Агентством по недропользованию «Роснедра» была организована система региональных экспертных советов по геологическому картированию (РЭС), М.Л. Гельман был назначен руководителем Северо-Восточного РЭСа. Активная деятельность этой структуры продолжалась первые несколько лет – когда составлялись серийные легенды к государственным картам новых поколений (Госгеолкарта-1000/3, Госгеолкарта-200/2) и проводились работы ГДП-200 (геологическое доизучение площадей в масштабе 1 : 200 000). Из-за систематического сокращения финансирования этих проектов деятельность Северо-Восточного РЭСа к началу 10-х годов нового века сошла практически на нет. В стенах СВКНИИ был выполнен М.Л. Гельманом основной объем редактирования комплекта карт Госгеолкарты-1000/2 (объединенный лист О-56, Магадан; Р-56, 57, Сеймчан; ответственный исполнитель В.Г. Корольков, издание 1992 г.) – работа, формально, также сугубо производственного характера.

А что же наука *s. stricto*? Нет сомнений, что в планах Михаила Львовича она занимала центральное место. Однако в СВКНИИ он опять оказался активно востребован в качестве эксперта, редактора, консультанта, организатора и куратора самых разных мероприятий. Наиболее продуктивным в научном плане был, пожалуй, начальный период – в составе лаборатории палеовулканологии. Ее возглавлял тогда д.г.-м.н. В.Ф. Белый, друг по институту и до 1964 г. – коллега по СВГУ, в соавторстве с которым в молодости была опубликована статья по петрохимии Охотско-Чукотского вулканогенного пояса, а позже составлена серия мелкомасштабных палеовулканологических карт на разные возрастные срезы Северо-Востока. В конце 80-х годов В.Ф. Белый вплотную занялся остро дискуссионной проблемой ультраосновного вулканизма и в лице Михаила Львовича нашел соратника, о котором мог только мечтать. Были проведены совместные полевые работы в хр. Пекульней (левобережье р. Анадырь) и собран богатый материал по меловым пикритам и разнофациальным базитам, возраст и тектоническая интерпретация которых были предметом жарких споров между магаданскими геологами из СВКНИИ и московскими из ГИНа РАН и НПО «Аэрогеология». Первоочередной интерес Михаила Львовича привлекли так называемые шаровые габбро многофазного Светлореченского плутона. В результате их детального петрологического исследования им была написана монография «Орбикулярный алливалит из хребта Пекульней: сопоставления и вопросы происхождения» (Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 1991. 107 с. Деп. в ВИНТИ 28.11.91, №4443-В91).

Далее последовали весьма результативные российско-американские работы по изучению метаморфических куполов Чукотки, о чем говорилось выше. А следом М.Л. Гельман совершил шаг, который с полным правом можно назвать героическим (но уже в совершенно ином отношении, нежели это касалось Таймыра). Стремление делиться своими огромными знаниями привело Михаила Львовича в педагогику, и в течение 20 лет (1993–2013) он читал несколько важнейших теоретических курсов: «Петрография и петрология магматических и метаморфических горных пород», «Петрохимия магматических пород», «История и методология геологических наук», занимая должность профессора кафедры геологии Политехнического института Северо-Восточного государственного университета.

Согласно укоренившейся в научной мемуаристике традиции, в завершение полагается назвать количество трудов, которые оставил покинувший этот мир ученый своим ныне здравствующим и возможным будущим коллегам. В данном случае, по причине специфики времени, места и характера деятельности героя очерка, оно точно не подсчитано. В одной из характеристик значится 300, в биографической справке, помещенной в юбилейном сборнике «СВКНИИ ДВО РАН – 50 лет академической науке на Северо-Востоке России» (Магадан, 2010) – 250. Но, в сущности, подобная «наукометрия» здесь не важна. Она не может повлиять на признание того очевидного факта, что Михаил Львович Гельман – не просто один из тех, кто внес значительный вклад в историю геологического изучения Северо-Востока России. Не будет преувеличением сказать, что он олицетворял собой лучшие стороны северо-восточного геологического братства – преданность однажды избранному делу, высокий профессионализм, человечность.

Имя Михаила Львовича Гельмана геологи Северо-Востока будут помнить и чтить всегда.

И.Л. Жуланова
СВКНИИ ДВО РАН
г. Магадан
6 июля 2017 г.